

Русский язык должен стать основой духовного воспитания юношества

Владимир МАКАРОВ, заведующий кафедрой теории и истории русского языка Елецкого государственного университета им И.А. Бунина, доктор филологических наук, профессор

Во 2-м номере журнала «НО» опубликован блок материалов, посвящённых великому русскому языку и его судьбе в нашей стране, в нашей школе. Тема взволновала читателей, редакция получает отклики на публикацию. Один из них мы публикуем — ответ на статью Юрия Крупнова «Языковая политика — шаг к тому, чтобы российское образование стало лучшим в мире».

Уважаемый господин Крупнов!

Ваша статья вызвала серьёзные размышления. И не только о языке. С огромным желанием я принялся её изучать. С первых страниц статьи увидел в Вас своего единомышленника, остро переживающего за судьбу страны, её народа, его культуры. Но, к великому огорчению, вскоре меня постигло разочарование, да не просто разочарование, а даже боль за то, как при отсутствии цензуры мы сегодня не всегда этично и ответственно пользуемся словом. Мы все ещё не осмыслили, не усвоили, видимо, правила полемической этики: хорошего знания предмета рассуждений недостаточно, нужна ещё и боязнь незаслуженно обидеть оппонента, ранить его самолюбие. Этой боязни лишена Ваша статья в разделе «Форма дух бережёт». Действительно, форма высказывания бережёт и дух, и степень этичности автора, и многое другое, чему учат лингвисты, специалисты в области этики и психологии.

Более чем уверен, что ни И. Левонтина, ни В. Костомаров, ни А. Молдован, люди весьма известные в науке, не станут публично возражать Вам, хотя Вы в Вашей статье говорите о них достаточно безапелляционно. А ведь плюрализм мнений, точек зрения вовсе не предполагает этического плюрализма, нормы этики едины для всего общества, во всяком случае должны быть таковыми.

Я совершенно разделяю Ваше неудовольствие по поводу оценки В.Г. Костомаровым ситуации с молодёжным жаргоном в нашем современном языке. Но в то же время не могу примириться и с тем, что кому-либо из нас пристало характеризовать в печати уважаемых учёных весьма фамильярно: «многоучёная логика», «мундирная логика», «перл великоучёности». И это всего-навсего — о признании учёным факта: «когда ошибка становится массовой, она перестаёт быть ошибкой и превращается в новое правило». К сожалению, это действительно факт, которому в жизни любого языка тысячи подтверждений.

Вы пишете: «Ясно, что стоит за этими стратегиями упрощения и сдачи позиций: уничтожение смысловозначительности, разрушение фонематического и морфологического принципов русской орфографии и в конечном счёте **смещение и примитивизация строя** (подчёркнуто мною. — В.М.) русского языка». Стоит ли так сгущать краски? Ни смещения, ни примитивизации строя русского языка в случаях с жаргонизмами не происходит, как не происходит и разрушения фонематического и морфологического принципов русской орфографии от перехода к написаниям «брошура», «парашут» и им подобным. Просто из орфографии устраняются исключения, отклонения от общего правила, а написание подводится под это общее правило. Чем это плохо для наших детей и для взрослых? Зачем им зазубривать исключения, если они давно уже функционально изжили себя? Зачем лишние перегрузки для наших школьников?

Никак не понять, коллега, отчего Вы так едко иронизируете, когда пишете о «так называемой «орфографической реформе» русского правописания»? Отчего Вы решили, что «сами идейные основания такой реформы... носят откровенно антиобразовательный и антикультурный характер и поэтому чрезвычайно вредны»? Серьёзных-то доводов в «пользу» их вредности Вы не приводите, да и не смогли бы привести, поскольку их не существует в при-

роде. «Для любого мало-мальски чуткого к языку человека, пишете Вы, существующее написание (слов «парашют» и «брошюра». — *В.М.*) является крайне удачным и единственно возможным». Уж как мы любим эти крайности: «крайне удачный», «единственно возможный»! В том-то и дело, что уже не «крайне» и не «единственно». Да и можно ли нам, серьёзным людям (учёным, высоким администраторам) все ещё говорить «от имени народа», ссылаясь при этом всего лишь на два имени «простых читателей» (Л.М.Котляра и И.И.Мишкеткуль)? А почему же тогда Вас не убеждают имена трёх учёных? Или они, по-Вашему, не из народа? Или не относятся к «мало-мальски чутким к языку людям» и именно потому не смогли оценить «единственную возможность» написаний типа «парашют»?

Дело в том, что необходимо чётко разграничивать как раз те понятия, которые, несомненно, прекрасно разграничивают и упомянутые Вами учёные, и тысячи других, о которых Вы не написали. Графика и орфография действительно лишь внешняя оболочка, «мундир» языка, под которым взволнованно бьётся его «сердце», если образно понимать под ним богатейшие выразительные средства, отражённые лексикой, фразеологией, грамматикой и всей богатейшей стилистической и стилевой системой языка! И совершенно правы те многочисленные учёные, которые повторяют ставшие уже трюизмом слова о том, что «изменения в орфографии — это не изменения в языке, изменения **не в языке**»!

Вы, уважаемый коллега, как видно, глубоко убеждены в том, что сохранение написаний типа «брошюра» не позволяет забыть, что и это, и подобные ему слова как заимствованные «никаким русским правилам подчиняться не должны». Но когда мы с Вами откроем любой этимологический словарь русского языка, то убедимся, что заимствований у нас — великое множество, и об иноязычном происхождении их неспециалисты даже не подозревают. И что же? Эти слова сами уходят в живом произношении, в языковом бытовании и написании из-под диктата языка-источника, постепенно адаптируясь к системе заимствующего их языка.

Было бы прекрасно, если бы наше общество глубже познало свой родной язык, законы его развития, которые открываются и популяризируются для него, для людей, для их блага учёными, а учёным-лингвистам позволило бы, не оглядываясь на мнение «простых читателей», спокойно продолжать работать на благо отечественной науки и культуры, в том числе речевой, которая, как Вы совершенно правильно подчёркиваете, падает, обесцвечивает нашу речь и даже вульгаризирует, опошляет её. Но орфография-то к этому процессу никакого отношения не имеет. «Идентификационная катастрофа», так сильно взволновавшая Вас и многих серьёзных патриотически настроенных деятелей культуры, науки, просвещения, происходит не от реформы орфографии и не от бездумного и бесконтрольного наплыва жаргонизмов. Всё это — следствие «раскрепощения» нашего общества при низкой духовной и бытовой его культуре, при равнодушии к этой серьёзнейшей проблеме власть предержащих, в том числе и тех, кто определяет задачи, приоритеты нашего образования, нашей культуры, наших электронных средств массовой информации.

Русский язык не только не стал главной учебной дисциплиной в нашей школе, как должно было бы быть, он становится в нашем обществе изгоем. Оказалось так, что в нашей стране некому руководить «языковой политикой», и изложенные Вами интересные идеи так и останутся нереализованными, как и идеи многих российских просветителей. Вот в чём катастрофа нашего общества: родной язык, идентифицирующий любую нацию, как Вы правильно утверждаете, оказался заброшенным. Модным стал речевой цинизм многих артистов, режиссёров, журналистов, уж очень стремящихся показать себя «простыми людьми», «людьми из народа». В условиях духовной и речевой бесконтрольности в нашем современном обществе ничего другого ждать и не приходится.

Вы совершенно правы, приводя мысль В.Сорокина: «Языку учить надо, а не упрощать его». Под этими словами подпишется любой филолог, любой гражданин страны. Надо только учитывать, что никто из лингвистов не в состоянии, даже если он этого хотел бы, **упростить** язык. Упрощать можно только правила орфографии и пунктуации, но и то — до определённых пределов, как говорится, в рамках возможного. Упрощают речь, материализующую язык, сами носители этой речи, не желающие придерживаться выработанных норм, традиций, не

проявляющие интереса к истории слов. Иными словами, не изучающие серьёзно язык как живое, сложное и архиважное для жизни человека явление. В результате — массовая речевая беспомощность, примитивизм. Как писал когда-то В. Маяковский, «улица корчится безъязыкая...». И вот тутто Вы, коллега, как руководитель высокого ранга в просвещении и Ваши товарищи по цеху могли бы сделать очень много для «обучения языку» в средних и высших учебных заведениях, чтобы учить в основном не графике, орфографии и пунктуации, а родной словесности, чуткости к слову, к его богатству, учить речетворчеству, умению свободно использовать богатейшие возможности стилистической системы языка, его образные средства, учить «технологии речи», тайнам её порождения и понимания, учить истинному «чувствованию» писательского слова. Родной язык должен изучаться основательно, по полной программе, вплоть до последнего школьного звонка, чтобы завершиться постижением, как писал когда-то А.П. Чехов, «грации речи», — то есть речевого мастерства. В такой ситуации, вникнув в логику развития родной речи, постигнув её красоту, школьники более успешно, чем сейчас, преодолеют рифы графики и орфографии, дебри пунктуации, ибо поймут, что все эти «скучные» правила обусловлены неколебимой логикой языка.

Родной язык в российской школе должен стать орудием духовной культуры, духовного воспитания, одним из важнейших средств формирования и развития человека. Пока же он таковым не стал, хотя лингвисты делали и делают для этого достаточно много, и общество должно бы востребовать их интеллектуальный багаж. Но это зависит прежде всего от руководителей государства, от руководителей отечественного образования, от нашего Министерства образования, где вы, уважаемый коллега, имеете честь работать...